

Российская академия наук
Институт археологии

Ю.Б. Цетлин

Древняя керамика.

Теория и методы
историко-культурного подхода

Москва – 2012

тически никакого обоснования введенных параметров, а только их констатацию. Вызывают недоумение и буквенные обозначения разных параметров. Так, например, в списке из 25 общих понятий буквой «А» обозначается и «налепной валик» и «примесь в глине», а буквой «С» – и «расширение или сужение горла», и «пропорции и композиции орнамента». Из списка точек: точка «k» характеризует «переход горла в плечико на внутренней поверхности» сосуда, а следующая точка «l» – «переход от внешней поверхности дна к кольцевому поддону».

Отличительной особенностью, не только последнего, но всех изложенных выше способов разбиения форм сосудов на части и способов оценки пропорциональности форм является их сугубо формальный характер (в наименьшей степени проявившийся, как это ни парадоксально, в старых разработках Г.Д. Биркхоффа и А.О. Шепард), который состоит в том, что исследователи не приводят практически никаких обоснований того, почему применяются именно эти, а не какие-либо иные приемы выделения разделительных точек на контуре, почему используются именно данные, а не иные размерные соотношения для характеристики пропорциональности сосудов и т.д. и т.п.

В этом наиболее ярко проявились характерные черты формально-классификационного подхода к изучению форм глиняных сосудов.

Историко-культурный подход к изучению форм сосудов

В рамках историко-культурного подхода формы глиняных сосудов рассматриваются как *овеществленный в конкретных предметах результат труда гончаров*. Но поскольку гончары были членами определенных человеческих коллективов, в формах сосудов нашли отражение не только их собственные технологические традиции, связанные с приданием сосудам той или иной формы, но и традиции потребителей, которые привыкли пользоваться в быту посудой определенных очертаний и внешнего облика. В условиях относительно обособленного бытования коллективов традиции гончаров и традиции потребителей посуды характеризуются значительной устойчивостью, т.е. гончары изготавливают, а потребители используют, сосуды «привычной» традиционной формы. Ситуация меняется, когда в результате различных культурных контактов в среду местных гончаров попадают мастера с традициями создания иных по очертаниям сосудов или когда в местный коллектив извне попадает инокультурные сосуды, особенно более совершенные. В последнем случае местные гончары для удовлетворения запросов своих потребителей часто пыта-

ются освоить изготовление этих новых форм, что ведет к появлению так называемых «форм-подражаний», которые сочетают в себе черты и местной и импортной посуды. Поэтому важнейшими задачами при изучении форм сосудов становятся, с одной стороны, выделение конкретных культурных традиций их создания, а с другой – исследование механизмов поведения этих традиций в различных культурно-исторических ситуациях.

Любой глиняный сосуд характеризуется: во-первых, определенной естественной структурой, т.е. конкретным числом и составом частей, из которых он состоит, во-вторых, общей пропорциональностью его формы, которая позволяет отнести сосуд к категории «высоких», «средних» или «низких», в-третьих, определенным функциональным назначением, в соответствии с которым он мог использоваться в быту.

Выделение естественной структуры форм сосудов

Как мы уже видели, попытки выделения структуры форм, т.е. тех частей, из которых состоят конкретные формы сосудов, предпринимались еще в рамках «эмоционально-описательного» (В.А. Городцов) и особенно в рамках «формально-классификационного» (Л. Гмелин, Э. Гроссе, В.Ф. Генинг, И.С. Каменецкий и др.) исследовательских подходов. Однако в первом случае выделение этих частей производилось на чисто интуитивном уровне, без применения какой либо специальной методики, а во втором случае – это делалось по формальным геометрическим признакам или/и с опорой на целый ряд количественных характеристик контура.

Общим для того и другого подходов было отсутствие глубокого содержательного основания, на котором бы базировалось изучение внутренней структуры форм сосудов.

Историко-культурный подход поставил в качестве центральной задачи именно поиск **оснований** для выделения **естественной структуры** форм глиняных сосудов.

Что же было использовано в качестве такого основания?

Как уже отмечалось ранее, процесс создания формы любого сосуда связан с реализацией мастером определенной **системы физических усилий**, связанных с выполнением вполне конкретных задач. Во-первых, это задача по перемещению формовочной массы в вертикальном направлении (снизу вверх или сверху вниз) и, во-вторых, задача по ее перемещению в горизонтальном направлении (для расширения или сужения сосуда). Кроме того, при изготовлении сосуда мастер использует два вида физических усилий: **точечные**, в результате которых происходит

переход от одной части формы к другой, и **пространственные**, с помощью которых создается определенный объем каждой части сосуда. Очевидно, что эти задачи и эти физические усилия, характерны для любых гончаров, независимо от места, где они работали, от времени, когда они работали, и от технологии, которую они применяли при изготовлении сосудов. Словом, эти параметры являются **универсальными** для любых мастеров и любых форм сосудов. Именно закономерный переход мастера от решения одних задач к другим и от одних видов физических усилий к другим ведет к созданию всего многообразия существующих форм глиняных сосудов.

Однако здесь следует сделать одну оговорку. Дело в том, что данный подход полностью применим к сосудам, изготовленным путем **свободного моделирования** в руках или на плоскости. Если же какая-то часть сосуда изготавливалась по форме-модели, то пространственные и отчасти точечные физические усилия гончара в большой мере определялись именно ее формой, а не навыками свободной лепки, что необходимо учитывать при выделении точек на контуре сосуда.

Такое понимание процесса изготовления сосудов позволило подойти к формам сосудов как к объектам системного анализа. Поэтому оправданным было предположить, что именно те точки (или точнее небольшой ширины зоны) на контуре, где происходит изменение характера физических усилий, могут служить основанием для выделения естественных границ между разными частями в структуре формы сосуда и, соответственно, для реконструкции естественной структуры конкретных форм.

Данная система представлений послужила основой для выработки специальной методики изучения естественной структуры форм глиняных сосудов.

Начнем с решения задачи разбиения формы сосуда на части, которые образуют ее естественную структуру. Очевидно, что для этого нужно найти на контуре сосуда места приложения «точечных» усилий. Поскольку линия контура представляет собой сложную кривую, составленную из N-ного числа дуг разного диаметра, для того чтобы найти точку приложения точечных усилий достаточно найти участок, где кривая заметно меняет свое направление. Для этого удобно использовать специальный трафарет, представляющий собой лист прозрачной пленки с нанесенными на нем кругами разного диаметра. (Сегодня это доступно делать с помощью специальных программ на компьютере) Практика показала, что круги диаметром от 1 до 8 см достаточно располагать с шагом радиуса через 0,5 см, а после 8 см с шагом радиуса в 1 см. Для того, чтобы не пользоваться кругами слишком

большого диаметра для анализа контура крупных сосудов, необходимо плоское изображение контура изучаемого сосуда привести к единому масштабу по высоте. В качестве такового был выбран масштаб в 20 см. В соответствии с этим все анализируемые формы сосудов сначала изображаются на плоскости равными по высоте 20 см. При таком масштабе для большинства форм вполне достаточно использовать шаблон с максимальным диаметром 25 см (Рис. 64).

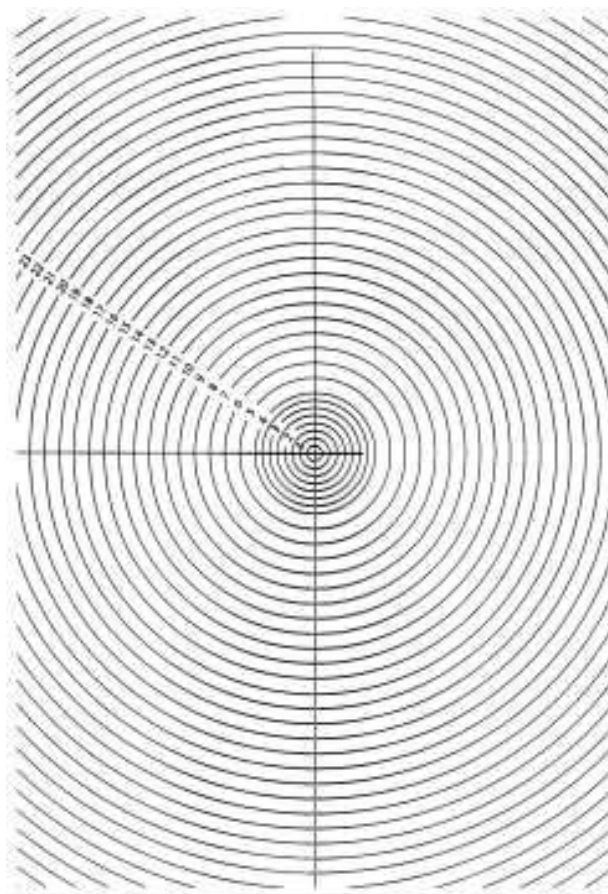

Рис. 64. Пластиковый трафарет для выделения точек НК на контуре сосуда

При работе с шаблоном нужно соблюдать следующие правила:

1) для поиска точек, отделяющих разные части сосуда друг от друга, следует использовать шаблон наименьшего диаметра, который опирается на контур двумя точками на окружности;

2) максимальная величина зазора между линией контура и используемым шаблоном не должна при малых шаблонах (до 8 см диаметром) превышать 1 мм, а для крупных шаблонов она должна быть не более 2 мм;

3) в этом случае место приложения точечных усилий гончара будет, как правило, располагаться посередине между теми точ-

ками, где линия выбранной нами наименьшей окружности касается линии контура сосуда.

Естественно, что величина шаблона, который применяется для поиска места приложения точечных усилий, будет зависеть от величины самих этих усилий. Чем меньше диаметр шаблона, который позволяет выделить эту точку на контуре, тем выше величина точечных усилий гончара при переходе от изготовления одной части формы к другой, а чем больше диаметр использованного шаблона, тем, соответственно, меньше величина точечных физических усилий, приложенных в этом месте мастером (Рис. 65).

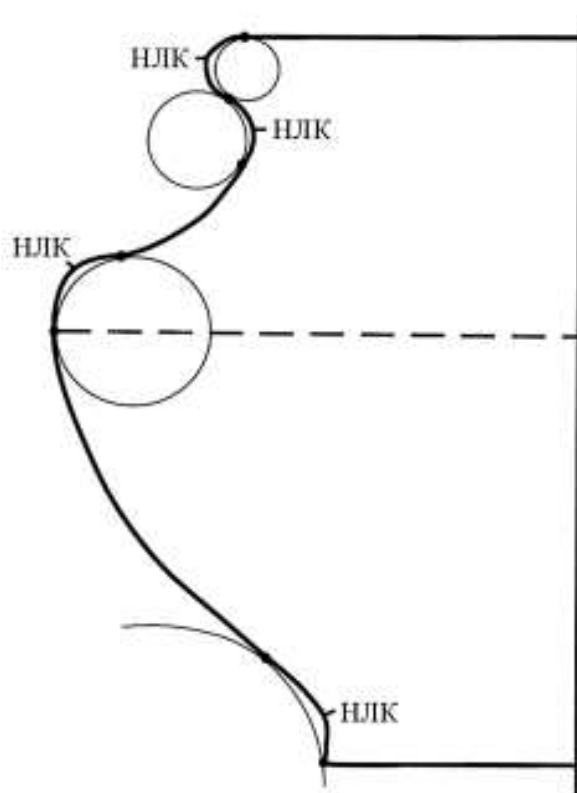

Рис. 65. Пример выделения точек НЛК на контуре сосуда
(Бобринский, 1986, с. 155, рис. 5а)

Точки, выделяемые с помощью таких шаблонов и фиксирующие изменение кривизны линии контура на определенном участке, называются точками **наибольшей локальной кривизны** или сокращенно – **точками НЛК**.

Использование данного способа для разделения форм позволяет выделить почти все части, составляющие естественную структуру форм на первом (наиболее общем) уровне анализа. Важно отметить, что в связи с асимметрией практически всех глиняных сосудов, такой способ позволяет выяснять особенности ес-

тественной структуры формы на разных сторонах (правой и левой) контура сосуда (Рис. 66).

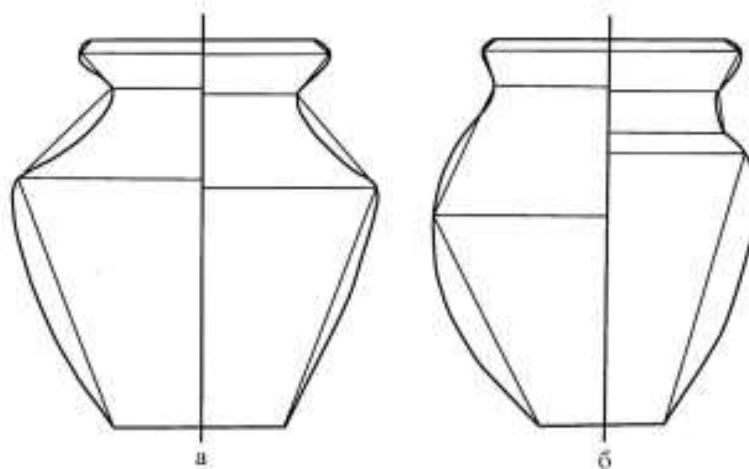

Рис. 66. Естественная структура асимметричных форм сосудов, выделенная по точкам НЛК: а – слабо асимметричная форма, б – сильно асимметричная форма (Бобринский, 1987, с. 155, рис. 6)

Однако места приложения точечных усилий на контуре проявляются не только на участках наибольшей локальной кривизны (точки НЛК), но и в местах, где контур принципиально меняет направление своей кривизны, т.е. там, где выпуклая кривая линия переходит в вогнутую или наоборот (первым на эти точки обратил внимание еще Г.Д. Биркхофф). Традиционно такие участки обозначаются как «S-видный профиль» контура. Разделяющие их точки располагаются на контуре между точками наибольшей локальной кривизны.

Для выделения точек, где кривая линия контура принципиально меняет свое направление, применяется следующий способ (Рис. 67). Из двух точек НЛК, которые ограничивают эсовидный участок, проводятся навстречу друг другу касательные к линии контура. Точка, где линия контура меняет свое направление, располагается посередине между этими двумя точками касания. Данная точка получила название **точки перегиба линии контура** (сокращенно – **точка ПЛК**).

Использование для разделения формы на части этих двух видов точек (т.е. точек НЛК и ПЛК) позволяет выделить полную **естественную элементарную структуру формы**. «Естественный», а не искусственный, ее характер обосновывается тем, что разные части формы выделены по местам приложения точечных акцентрированных усилий гончара, которыми он воздействует на глину в процессе изготовления определенной геометрии контура сосуда. «Элементарной» данная структура является потому, что она не допускает дальнейшего деления частей формы на более дроб-

ные составляющие. Основным признаком «элементарности» частей является то, что контур сосуда в рамках каждой части образован одновершинными выпуклыми или вогнутыми кривыми линиями.

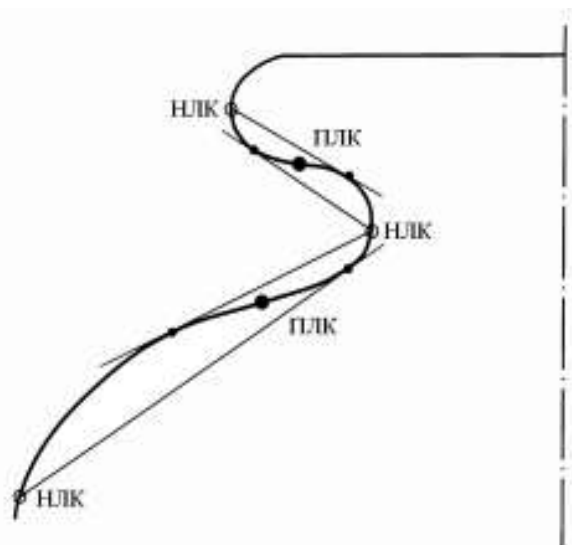

Рис. 67. Выделение точек ПЛК на эсовидном участке контура (Бобринский, 1987, с. 156, рис. 7)

Таким образом, мы получили возможность объективными средствами делить любые формы на **элементарные части**. Естественно, что количество этих элементарных частей может быть в форме очень разным в зависимости от степени ее сложности.

* * *

Теперь разумно будет задаться вопросом: а для чего мастер создавал в форме различное и иногда весьма значительное число таких элементарных частей?

Допустимо предполагать в самом общем виде, что в основе этого лежали разные культурные традиции создания форм глиняной посуды. Но такое заключение, как я уже говорил, является слишком общим. Попробуем его детализировать.

Первая причина. Мы уже знаем, что разные сосуды в зависимости от своих очертаний имели разные функции. Так, сосуды для принятия пищи обычно имели низкую высоту и широкое тулово, сосуды для переноски воды, напротив, были более высокими и имели достаточно высокую шею и т.д. Получается, что функция сосудов зависит от состава и формы тех частей, из которых сосуд состоит. Отсюда следует, что каждая часть сосуда имела свою определенную функцию, совокупность которых потенциально определяла функциональное назначение сосуда в целом.

Вторая причина состоит в том, что глина представляет собой мягкий пластичный материал и поэтому переход от одной части к другой, как правило, не может быть очень резким (кроме тех случаев, когда он создавался специально путем дополнительной обработки этого участка поверхности сосуда), что, например, характерно для металлических сосудов. Такая плавность перехода хорошо проявляется в наличии на контуре формы S-видных участков. Поэтому точки приложения физических усилий на этих участках могут быть связаны не созданием новой функциональной части, а со способом перехода к ней.

И, наконец, *третья причина*, которая может вести к увеличению числа элементарных частей, состоит в происхождении конкретных форм сосудов в данном человеческом коллективе. Мы уже обсуждали раньше, что появление новых форм часто было вызвано изготовлением гончаром «форм-подражаний», которые имитируют образцы инокультурной посуды. При этом происходит не только изменение состава традиционных, но и появление новых элементарных частей в структуре форм глиняных сосудов.

Совокупностью этих причин и определяется разное и, как уже было сказано выше, иногда большое число элементарных частей в составе конкретных форм сосудов.

В отличие от элементарных частей, число **функциональных частей** в сосуде ограничено. Уже отсюда следует, что разные функциональные части могут состоять из одной или нескольких элементарных частей, т.е. иметь сложную структуру. Всего в составе любых форм глиняной посуды может быть не более 7 функциональных частей – это **губа, щека, шея, плечо, предплечье, тулово** и **основание тулова** или **дно** (Рис. 68). Причем, следует особо подчеркнуть, что эти функциональные части присутствуют только в составе непосредственно самого наполнителя сосуда, т.е. его **емкости** и не относятся к различным дополнительным деталям формы – ручкам, ножкам, носикам и т.п.

Какие же основные функции выполняют в составе формы эти функциональные части? Рассмотрим их по порядку:

Губа – выполняет функцию «верхнего окончания емкости» (обозначается буквой «Г»),

Щека – выполняет функцию «сливного устройства» (Щ),

Шея – выполняет функцию «дозирования слива» (Ш),

Плечо – выполняет функцию «ограничителя емкости» (П),

Предплечье – выполняет функцию «дополнительной емкости» (ПП),

Тулово – выполняет функцию «основной емкости» (Т),

Основание тулова (или дно) – выполняет функцию «окончания емкости» (От или Д).

Функциональные части сосуда

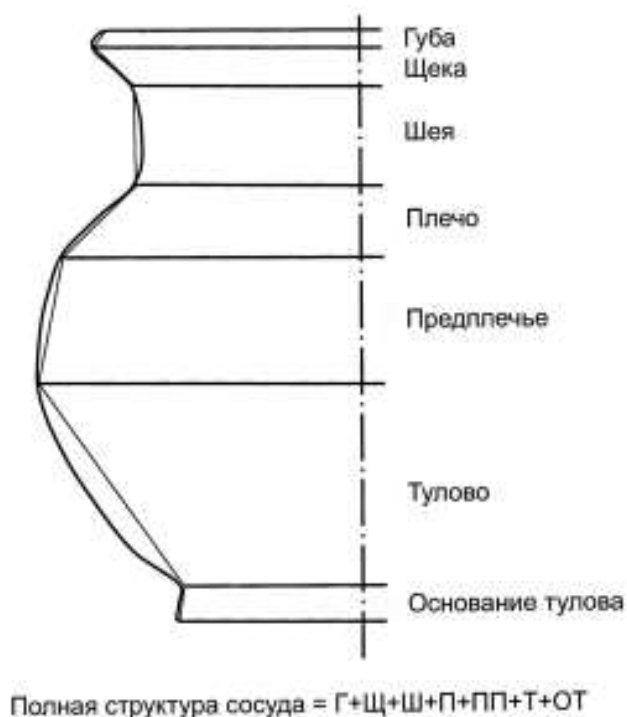

Рис. 68. Сосуд с полным набором функциональных частей

Строго определять каждую функциональную часть в структуре формы сосуда позволяет учет ее свойств и соотношения с другими функциональными частями. Среди всех функциональных частей выделяются **субстратные** части и **дополнительные**. Основное свойство субстратных частей состоит в том, что они всегда присутствуют в любых формах, а дополнительные функциональные части могут либо присутствовать, либо отсутствовать в форме.

Три субстратные части располагаются в форме следующим образом: губа – ограничивает форму сверху, основание тулова или дно – ограничивает форму снизу, а тулово – всегда опирается на дно или свое основание.

Среди дополнительных функциональных частей, предплечье всегда опирается на тулово, плечо может опираться на тулово или предплечье, шея может опираться на плечо или предплечье, щека может опираться на тулово, предплечье, плечо или шею, но сверху она всегда находится в контакте с губой, а сама губа может опираться на тулово, предплечье, плечо, шею или щеку. Эти свойства позволяют создать **общий список всех возможных вариантов**

естественной структуры форм сосудов по составу функциональных частей (Рис. 69):

- Группа 1 – трехчастная структура
 - Вид 1 – Г + Т + Д – субстратная структура,
- Группа 2 – четырехчастные структуры (производные)
 - Вид 2 – Г + Щ + Т + Д
 - Вид 3 – Г + П + Т + Д
 - Вид 4 – Г + ПП + Т + Д
- Группа 3 – пятичастные структуры (производные)
 - Вид 5 – Г + Щ + П + Т + Д
 - Вид 6 – Г + Ш + П + Т + Д
 - Вид 7 – Г + Ш + ПП + Т + Д
 - Вид 8 – Г + П + ПП + Т + Д
- Группа 4 – шестичастные структуры (производные)
 - Вид 9 – Г + Щ + Ш + П + Т + Д
 - Вид 10 – Г + Щ + П + ПП + Т + Д
 - Вид 11 – Г + Ш + П + ПП + Т + Д
- Группа 5 – семичастная структура (полная)
 - Вид 12 – Г + Щ + Ш + П + ПП + Т + Д.

Таким образом, по особенностям состава функциональных частей все формы делятся на 5 групп и 12 видов.

Если соединить последовательно все точки на контуре, которые фиксируют нижнюю и верхнюю границы каждой функциональной части, то естественная структура сосуда будет представлена набором трапеций с расширением кверху или книзу, набором прямоугольников и одним треугольником в том случае, когда сосуд имеет округлое или острое дно. Получившиеся в результате этого фигуры названы **костяками** форм сосудов.

Все функциональные части могут по степени своей сформированности находиться в трех состояниях: **несформированном**, **частично-сформированном** и **полностью сформированном**.

Несформированным является такое состояние, когда функциональная часть, обладая собственной формой, выполняет не свойственную ей функцию.

Частично-сформированным названо состояние, когда часть, выполняя присущую ей функцию, имеет несвойственную для нее форму.

Полностью сформированным считается такое состояние функциональной части, когда она имеет присущую ей форму и выполняет свойственную ей функцию.

Подробный разбор всех этих состояний каждой функциональной части можно найти в специальной статье (Бобринский, 1988б).

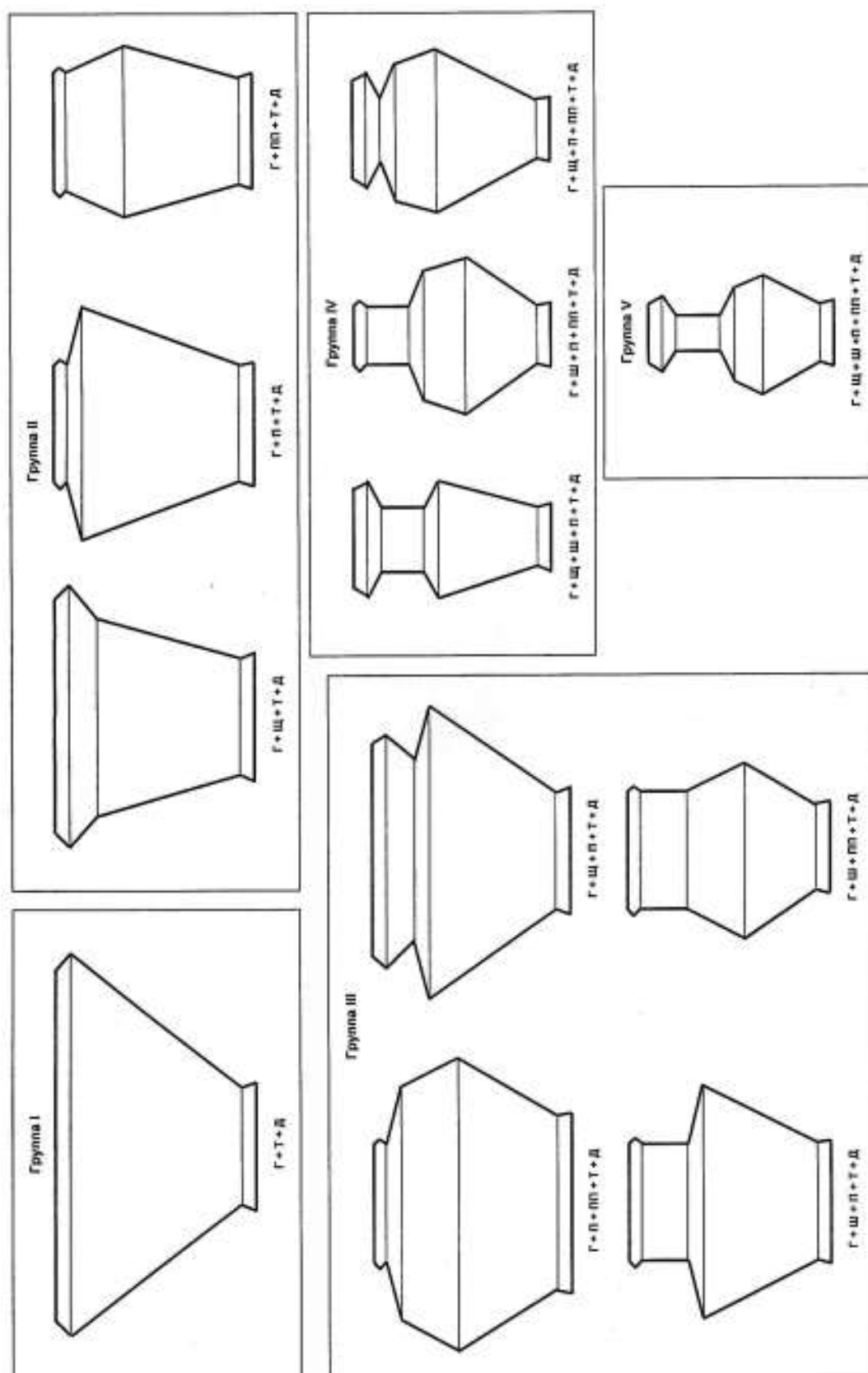

Рис. 69. Группы и виды конструкций форм сосудов по числу и составу функциональных частей

Однако анализом только костяков формы дело не может ограничиваться. Боковые стороны каждой функциональной части образованы в большинстве случаев не прямыми, а кривыми линиями, которые в отличие от костяка создают так называемую **оболочку** форм. И именно они выступают в роли объектов нашего дальнейшего изучения.

Прежде всего, следует отметить, что кривые линии, ограничивающие функциональные части сосуда, могут быть *выпуклыми*, т.е. находиться по внешнюю сторону костяка, или *вогнутыми*, располагающимися по внутреннюю сторону костяка. По особенностям формы кривых те и другие линии подразделяются на *симметричные* и *асимметричные*, а по признакам высоты дуги – на *несформированные*, *частично-сформированные* и *полностью сформированные*.

Теоретически боковые границы функциональной части могут быть образованы не только криволинейными, но и *прямыми* линиями. Однако при ручных навыках труда (даже, если изготовление сосуда осуществлялось на гончарном круге) воспроизвести в глине прямую линию практически невозможно, она, пусть немного, все равно будет отклоняться от прямой в ту или иную сторону. Экспериментально были установлены следующие границы колебаний выпуклых и вогнутых линий оболочек по степени их сформированности:

1. *Практически прямые линии* – высота дуги не превышает 3% от длины хорды;
2. *Несформированные кривые линии* – высота дуги 3-5%;
3. *Частично-сформированные кривые линии* – высота дуги 6-8%;
4. *Полностью сформированные кривые линии* – высота дуги 9–14%.

Этот верхний предел не является формальным или искусственным. Дело в том, что при высоте дуги свыше 14% точка НКК меняет свое положение на контуре, фиксируя этим изменение данной естественной структуры формы сосуда.

Сегодня изучение особенностей оболочек форм сосудов с позиций историко-культурного подхода еще только начинается. Поэтому пока трудно сформулировать сколько-нибудь полно тот комплекс исследовательских задач, которые могут решаться на основе этого источника. Пока можно назвать только две из них. Это, во-первых, выделение разных культурных традиций придания формам сосудов определенной геометрии и, во-вторых, выяснение принадлежности гончаров, делавших сосуды, к младшему, среднему или старшему поколению производителей (Бобринский, 1991а).

Подводя итоги изучения естественной структуры форм глиняных сосудов с позиций историко-культурного подхода, напомним, что одной из основных задач в данном случае является задача выделения разных культурных традиций создания форм сосудов древними гончарами. Этому служат, во-первых, методика изучения состава элементарных и функциональных частей в форме и выяснения степени их сформированности; во-вторых, методика анализа криволинейных очертаний контура и оценки степени сформированности оболочек функциональных частей, а также учет некоторых других деталей форм сосудов.

Легко заметить, что в зависимости от сохранности изучаемых форм, степени достоверности их фиксации и стоящих перед археологом исследовательских задач системный анализ форм глиняных сосудов может быть направлен на изучение различных их особенностей и вестись с разной степенью детальности.

***Изучение общей пропорциональности форм сосудов.
Выделение «привычных» форм и «форм-подражаний»***

Другим направлением изучения форм посуды является выделение так называемых привычных форм и форм-подражаний в исследуемой совокупности сосудов определенного памятника или культуры.

Раньше уже неоднократно возникал разговор о том, что человеческие коллективы и в древности и в недавнем прошлом очень редко существовали изолированно от каких-либо внешних влияний. Как правило, они имели связи с другими человеческими коллективами, где бытовали иные традиции изготовления посуды, в том числе, иные традиции придания сосудам определенного внешнего облика.

И вот, когда в ходе культурных контактов в местную среду попадали другие по форме изделия, мог начаться постепенный процесс их встраивания в данную культурную среду.

В ходе экспериментального исследования этого явления, проведенного А.А. Бобринским с сотрудниками Лаборатории «История керамики» в целом ряде современных сельских гончарных центров Европейской части России, Украины и Белоруси, были выявлены ряд важных закономерностей этого процесса.

Прежде чем говорить о самих этих закономерностях, следует описать содержание данного эксперимента. А состоял он в следующем.

Профессиональному гончару давалось задание воспроизвести форму, которую он никогда раньше не делал. Причем, это была не какая-то особо сложная форма, а достаточно простая –

обычная черняховская миска. При этом возникала крайне любопытная ситуация. Все без исключения гончары сначала были уверены, что для них эта задача не представляет никаких затруднений. Однако когда они начинали делать новую форму, у них часто ничего не получалось. Некоторые «в сердцах» ругались и ломали свои изделия. А в тех случаях, когда они все-таки доводили дело до конца, выяснялось, что форма, которая они сделали, не имела ничего общего или очень мало была похожа на предложенный им образец. Повторяю, что это явление было зафиксировано не в одном и не в двух случаях, а у нескольких десятков гончаров. При обобщении всех полученных данных выяснилось следующее.

Во-первых, была выявлена **общая закономерность**, которая состояла в том, что процесс подражания новым формам посуды представляет для профессиональных гончаров очень сложную задачу и результат получается весьма далеким от оригинала.

Во-вторых, в тех случаях, когда местные гончары никогда раньше не делали мисковидных форм, а только горшки и кувшины, а им предлагалось сделать миску, то у них получался «гибрид горшка и миски», т.е. горшок более низких пропорций. Если гончар традиционно делал миски, а ему предлагали сделать горшок, то он практически всегда делал высокую миску. Наиболее приспособленными к подражанию оказались гончары, которые традиционно делали горшковидные формы. Если им предлагалось сделать кувшин, они делали высокий горшок, а если им давали миску, то у них, получался тоже горшок, но более низких пропорций. Это же касалось и остальных категорий посуды.

В-третьих, если гончар традиционно делал миски, и ему предлагалось изготовить черняховскую миску, то формально новая форма у него получалась, но очертания ее контура соответствовали не предложенному образцу, а его традиционным мискам, и только отдельные детали, которые он специально старался изобразить, указывали на отдаленное сходство с оригиналом.

Как выяснилось в ходе эксперимента, данное явление отражает важный факт в истории развития гончарных навыков труда. А именно то, что у каждого профессионального гончара в ходе работы складывается, хотя и динамический, но очень жесткий **стереотип** воспроизведения именно той формы сосуда, которую он привык традиционно делать. Причем, этот стереотип присутствует не только в голове мастера, но и в его руках, потому что они тоже приучены к строго определенной и последовательной системе движений в процессе изготовления сосуда. Когда гончар делает привычные формы, он, по сути дела, работает на **полубессознательном** уровне, его руки действуют автоматически. А когда ему приходится делать новую форму, сразу же включается сознание,

которое совершенно разбалансирует привычные действия рук гончара, т.е. он стремится сделать новую форму, а его руки упорно продолжают делать старую. Все это ведет к тому, что **«ломка» привычного стереотипа происходит у него очень болезненно, медленно и постепенно**, и даже спустя многие годы, когда новая форма сосуда уже стала для мастера глубоко привычной, в ней еще продолжают сохраняться черты той традиционной формы, которую он привык делать в прошлом.

Таким образом, когда у гончара возникает задача изготовить новую форму сосуда, он сталкивается с необходимостью внесения определенных «частных» изменений в свою традиционную систему распределения физических усилий. Эти «частные» изменения проявляются в изготавливаемой форме на двух уровнях.

Первый уровень связан с внесением изменений в навыки воспроизведения **общей пропорциональности** форм сосудов, а второй уровень – с изменением навыков создания **очертаний формы**.

Под общей пропорциональностью сосуда понимается закономерное соотношение между площадью плоского изображения сосуда и его объемом, вычисленным по его внешнему контуру, а под очертаниями формы – геометрия внешнего контура исследуемого сосуда (о чем уже шла речь выше).

По общей пропорциональности все сосуды делятся пять категорий – *высокие, высокие–средние, средние, средние–низкие и низкие формы*.

Обобщение данных по всем гончарам, участвовавшим в эксперименте, позволило выделить на специальном графике общей пропорциональности три зоны, соответствующие «привычным» формам высоких, средних и низких пропорций, и две зоны, куда попадают «формы–подражания» высоких-средних пропорций и средних–низких пропорций (Рис. 70).

Что касается воспроизведения в формах-подражаниях деталей очертаний новой формы, то они также проявляются первоначально очень нечетко и только постепенно с течением времени становятся более определенными. Выражается это в нарушении (изменении) естественной структуры форм сосудов и степени сформированности функциональных частей, из которых они состоят. Тем не менее, даже спустя годы в этих формах улавливаются и свои традиционные черты и черты новых прототипов, которые мастер научился копировать.

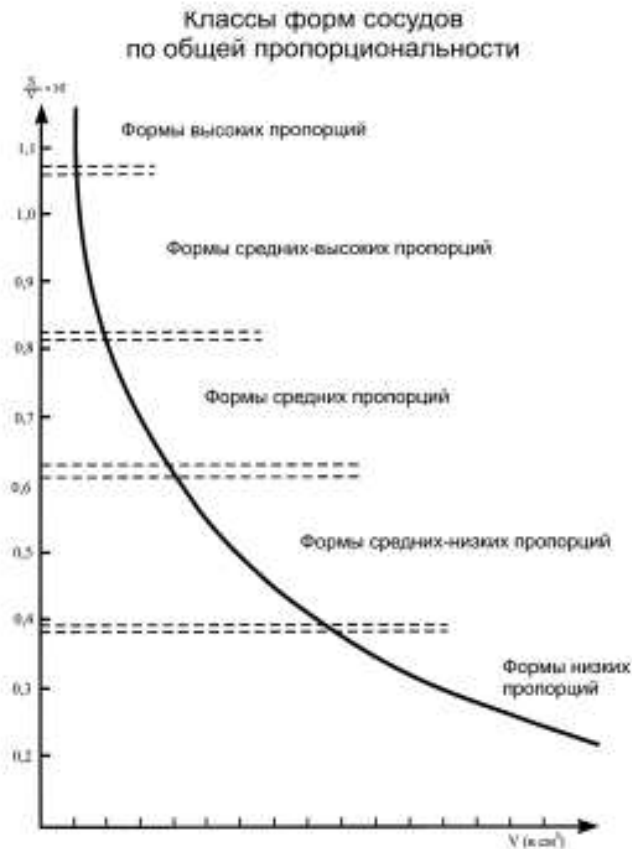

Рис. 70. График общей пропорциональности «привычных форм» и «форм-подражаний» (по А.А. Бобринскому)

В настоящее время при фиксации формы сосудов в большинстве случаев опираются на графические рисунки профиля, выполненные самим археологом или художником. Для проверки точности таких рисунков был проведен их сравнительный анализ с фотографиями профиля одних и тех же глиняных сосудов из черняховских могильников. Предпринятая проверка показала во многих случаях полную неудовлетворительность рисованных изображений, которые имели очень мало общего с действительным профилем сосуда, запечатленным в результате его фотографирования. Это обусловлено тем обстоятельством, что каждый художник при рисовании формы вольно или невольно вкладывает в рисунок свое видение предмета и свое представление о необходимой степени точности изображения конкретного предмета. Несколько в меньшей степени, но также недостаточная точность изображения профиля сосудов сохраняется и при использовании специальных игольчатых трафаретов (или шаблонов) для рисования, которые начали широко применяться в последние годы. Поэтому, для того чтобы сделать результаты анализа действительно надежными необходимо использовать строго фронтальные фо-

тографии контуров форм сосудов, которые были бы сделаны без искажений, что особенно заметно при фотографировании сложных по своим очертаниям изделий (Рис. 71).

Рис. 71. Вид правильно сфотографированного сосуда

Сосуды, сфотографированные с тем или иным ракурсом, т.е. под углом к их вертикальной оси, также имеют искажения и поэтому мало пригодны для специального углубленного анализа.

Изучение функционального назначения сосудов

Основная задача глиняной посуды состояла в удовлетворении тех или иных потребностей ее пользователей. Круг этих потребностей мог быть достаточно широким (приготовление и потребления пищи, ее хранение, ритуальная сфера и т.п.) и, соответственно, *изготавливаемые гончарами сосуды были предназначены для выполнения этих функций.*

В неразвитом обществе за сосудами той или иной формы не всегда были строго закреплены определенные функции, в соответствии с которыми они должны были использоваться в быту. Это говорит о том, что между «формой» и «функцией» сосуда еще не было выработано достаточно устойчивой связи. В более развитых обществах постепенно выделялись разные виды сосудов для выполнения различных хозяйственных функций. Естественно, что в реальной жизни эту связь неправильно было бы абсолютизировать. Однако каждый мастер, изготавливая ту или иную традиционную форму сосуда, всегда подсознательно имел в виду, для чего она предназначалась в его коллективе. В данном случае речь идет о так называемом «исходном» функциональном назначении сосуда определенной формы. *Реальная сфера использования сосудов в действительности далеко не всегда совпадала с той их исходной функцией, для исполнения которой они были предназначены.*

Для выяснения *исходной и реальной функций* сосудов существует несколько путей. Однако далеко не все они сегодня обеспечены надежными методическими средствами, поскольку они еще находятся в стадии разработки.

Одним из путей выяснения *реальной функции* сосудов являются следы *их использования*, которые возникают на поверхностях и в изломах сосудов. Эта задача может решаться с помощью *археологической трасологии и научного эксперимента*. В настоящее время наиболее общие различия в сфере конкретного использования сосудов фиксируются по *наличию или отсутствию следов приготовления в них горячей пищи*. Такие следы могут выражаться в первую очередь в наличии так называемого «нагара» на внутренней или внешней поверхности и в разной «степени прокаленности» стенок сосуда с внешней и внутренней стороны. Соответственно, сосуды, которые не имеют таких следов, использовались в быту без воздействия огня. Такое разделение традиционно проводится археологами при выделении двух видов посуды – «кухонной» и «столовой».

Помимо таких следов конкретного использования на реальную функцию сосуда может дать указание археологический контекст, в котором сосуды были обнаружены при раскопках.

Другим путем, служащим уже для выяснения *исходного функционального назначения* сосудов служит *изучение их размеров*. Судя по данным этнографии (Бобринский, Цетлин, Гей, 2011), посуду емкостью до 10 л правомерно рассматривать как предназначенную для повседневного индивидуального и коллективного использования, посуда емкостью от 10 до 30 л, как правило, применялась в хозяйстве для воды и иных продуктов повседневного спроса, а сосуды объемом свыше 30 л предназначались преимущественно для длительного хранения или транспортировки различных запасов. Последние могут иметь на внутренней поверхности следы какого-то осадка, по которому с помощью химических анализов можно примерно определить, что за продукты в них находились. Примером последних служат античные амфоры, т.е. крупные сосуды иногда со следами винного или иного осадка на внутренней поверхности.

Третий путь, который позволяет приблизительно судить об *исходном функциональном назначении* сосудов – это особенности их формы. Из данных этнографии хорошо известно, что сосуды низких пропорций (миски, тарелки, блюда), как правило, использовались в зависимости от их размера для индивидуального или коллективного приема пищи. Сосуды среднего размера и высоких пропорций с высокой и достаточно узкой шеей и с ручкой или без нее обычно применялись для переноски или хранения раз-

личных жидких продуктов. Горшковидные сосуды средних размеров и средних пропорций очень часто имели так называемую «размытую» функцию, т.е. они могли использоваться для различных целей.

И, наконец, четвертый путь определения исходной функции сосудов связан с наличием у них каких-то не типичных индивидуальных особенностей. Например, окрашенности внешней или внутренней поверхности охрой в красный цвет, наличие у них специфических скульптурных деталей (ручек, носиков, сливов, схематических или реалистических скульптурных изображений на поверхности и проч.), наличие необычно богатой орнаментации по сравнению с другой посудой и т.п.

Здесь важно обратить внимание на то, что все эти пути исследования, кроме может быть первого, дают достаточно обобщенную информацию, как об исходном функциональном назначении сосуда, так и о реальной сфере его использования. Однако корреляция данных, полученных разными способами, помогает сузить круг возможных вариантов заключения. Тем не менее, все равно вывод, к которому мы приходим, в большинстве случаев следует рассматривать как некоторое приближение к реальности.

Как я уже отмечал выше, это связано не только недостаточной разработкой методики выяснения функций сосудов, но также и с тем, что в реальной жизни сфера использования редко соблюдалась очень уж строго. И в этом смысле, говоря о функции сосуда, следует четко различать, с одной стороны, функцию, для которой он был предназначен изначально (т.е. по своей форме и размеру), а с другой стороны, функцию, связанную с реальной сферой его применения в быту.

Таким образом, изучение форм глиняных сосудов включает широкий комплекс методических процедур, применение которых определяется теми исследовательскими задачами, которые стоят перед археологом.